

[10]. Есть сведения, что в 1960-е гг. Афанасий жил в Загорске, что к нему приходили паломницы. Состояние его здоровья соответствовало возрасту [1, с. 340]. Так сложилась судьба отдельно взятого человека, который не искал славу, но о нем писали в периодической печати. Выбрав однажды путь служения Богу и людям, он не отступил от данного выбора даже в период преследований и гонений.

Источники и литература

1. Турундаевский А.А. Наша семья. // История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей. Архангельск – М.: ТСМ, 2011. – 360 с.: ил.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 54. Оп. 1. Д. 8.
3. Ульянова Е. Атака захлебнулась, и тут батюшка пошел вперед // Православная Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://orthodoxmoscow.ru/ataka-zaklebnulas-i-tut-batyushka-poshel-vpered/> – Дата доступа: 14. 01. 2017 г.
4. Матонин В.Н. Записки Александра Анатольевича Турундаевского: вологодские священники на германском фронте (1914 – 1918 гг.) [Электронный ресурс].
5. Демидова Е.Л. Вологодские священники – герои [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://idaal.livejournal.com/287511.html>. Дата доступа: 14. 01. 2017 г.
6. Возвращение из плена свящ. А. Турундаевского // Вологодские епархиальные ведомости. – 1915. – № 23. – С. 611 – 612. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/war1914/person-162.html>. – Дата доступа: 14. 01. 2017 г.
7. Издевательства немцев над пленным священником // Вологодский листок. – 1915. – 1 дек. – С. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/war1914/person-162.html>. – Дата доступа: 14. 01. 2017 г.
8. Пастырь добрый. Из письма прапорщика М.Е. Сироткина о подвиге о. Афанасия, опубликованное в «Русских ведомостях». // Вологодский листок. – 1915. – 5 июля. – С. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/war1914/person-162.html>. – Дата доступа: 14. 01. 2017 г.
9. Сивкова А. С крестом и штыком. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta-respublika.ru/_test1/article.php/73593. – Дата доступа: 14. 01. 2017 г.

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ 1917–1921 ГОДОВ

В.А. Саблин

Вологда, Вологодский государственный университет

Из множества концептуальных моделей осмысление развития крестьянского социума России в последнем столетии возможно с позиций теории модернизации, в широком смысле слова понимаемой как переход от традиционного общества к современному, открытому обществу, как в общемировом, так и в региональном масштабе. В XX в. российская история знала три стадии кардинальных реформ, каждая из которых имела свою специфику, но подчинялась общей логике модернизационных процессов.

Модернизация конца XIX – начала XX в. преследовала цель ускоренным образом преодолеть многоукладность российской экономики и выйти на передовые рубежи мирового и европейского индустриализма, но в конечном итоге привела к дальнейшему социальному расслоению российского общества, увеличению доли малоимущих и неимущих слоев, что объективно способствовало нарастанию антибуржуазных тенденций в сознании деревенских и городских «низов», так и не сумевших в своей основной массе адаптироваться к модернизационному процессу.

Оказавшись выбитыми из своей привычной «социальной колеи», традиционных устоев и представлений, деревенские и городские «низы» стали питательной средой, как для правого, так и для левого радикализма и экстремизма.

Революция 1905–1907 гг. была первой в истории страны революцией, которая представляла собой реакцию общества на издержки самодержавной модернизации, бросала вызов всей европоцентричной, западной модели развития, сложившейся в предшествующее столетие. Великая русская революция 1917–1921 гг., крестьянская по своей основе, служила еще более наглядным примером неприятия традиционным российским социумом форсированных, искусственно насаждавших «вестернизацию» преобразований [1, с. 51, 57].

Начиная с 1990-х гг. отечественная историография аграрно-крестьянского вопроса, пережив, как и вся историческая наука, по выражению В.П. Булдакова, перестроечную моду на умозрительные новшества и игру в альтернативы, пытается возвыситься до концептуального осмысления проблем. Прежде всего, это касается кардинального пересмотра роли крестьянства в событиях 1917–1921 гг. Взамен несостоятельных посылок о пассивном объекте, ведомом классе, попутчике или «союзнике пролетариата» крестьянину возвращается его статус активного субъекта исторического процесса.

Под этим углом зрения В.П. Данилов и Т. Шанин были склонны оценивать роль крестьянства и крестьянской революции в социальных и экономических потрясениях в России 1902–1922 гг. По их мнению, все другие политические и социальные революции в России совершались на фоне крестьянской революции [2, с. 6]. Само понятие «крестьянской революции» постепенно приобретает концептуальное оформление: выделяется ее начальная фаза «общинная революция», которая определяется как война крестьянства против всех – государства, помещиков, хуторян, города [3, с. 156], с конца 1918 г. – стадия аграрной (собственно крестьянской), или земельной революции [4, с. 39], которая в свою очередь постепенно трансформировалась в крестьянскую войну против большевистского режима [2, с. 6].

При фактическом отсутствии слоя помещиков преобладание в северной деревне мелких, не затронутых модернизацией, полунатуральных крестьянских дворов, экономические интересы которых, входили в противоречие с интересами казны и удела – основных собственников земли, определяло своеобразие крестьянских представлений северных губерний о путях справедливого решения аграрного вопроса в начале XX в., которое выражалось в требовании ликвидации всех форм частной собственности на землю, включая крестьянскую, передачи лесов в заведование крестьянскими сообществами или их организациями, наконец, расширения землепользования за счет государственного финансирования и возможности переселения. В свою очередь это придавало аграрной революции на Севере (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии и, созданные за время революции Северо-Двинская губерния и Карельская Трудовая Коммуна) весьма специфические формы [5].

Следует признать, что в аграрной революции крестьянский социум действовал вполне осознанно. Его безусловное требование «черного передела» было мотивировано, с одной стороны, желанием ликвидировать неупорядоченность землепользования и избавиться от малоземелья, с другой стороны, приумножить свой доход, обеспечить благополучие и стабильность своего хозяйства. «Землевладельцу–барину в «черном переделе» противостоял крестьянин-собственник, а не люмпен-пролетарий» [6, с. 18]. Национализация земли, выразившаяся в основном в конфискации «владельческих земель», отличавшаяся наибольшим напряжением в 1918 г., завершилась на Севере в 1919 г., а в ряде районов и к началу

1920 г. К концу Гражданской войны фонд конфискованных и взятых на учет частновладельческих земель составлял в регионе 300068,66 дес., из которого было распределено 223713,3 дес. земли. Из этой площади 208286,5 дес. (69,4%), было передано в единоличное пользование крестьянам, 8027,81 дес. (2,7%) – совхозам, 7398,99 дес. (2,5%) – первым коммуна и артелям, в запасном фонде было оставлено 76355,36 дес. (25,4%). Прирост крестьянского землепользования оказался незначительным и составил около 3,8%. Параллельно силами самого крестьянства, при неизменной поддержке властей, был проведен «черный передел» земли. Было достигнуто максимальное соответствие размера полевого участка и размера семьи (основной разверточной единицей на Севере оставался «едок»).

Противоположные цели в области перераспределения основного средства производства – земли преследовал аграрно-крестьянский курс северного антибольшевистского правительства в Архангельске, – Верховного Управления Северной области и сменившего его Временного правительства Северной области. Аграрное законодательство белой власти (1918–1920 гг.), при условии его претворения в жизнь, преследовало цель насаждения в деревне «крепкого» крестьянского хозяйства, основанного на применении для обработки земли в основном сил владельца земельного участка и членов его семьи, свободных от принудительной опеки общины. С этой целью правительство, отменив земельное законодательство большевиков, пошло на установление «трудовой» нормы пользования внаемной (расчистки, распашки, новины) землей, определив ее в размере 11 дес. на двор. Все, что превышало норму, подлежало отчуждению и передаче в особый арендный фонд земства. Устанавливался особый порядок бессрочной аренды с правом наследования. Крестьянство, однако, воспротивилось пересмотру результатов «черного передела», и белая власть под влиянием политической конъюнктуры лета–осени 1919 г. фактически капитулировала перед крестьянами, отложив до неопределенных времен реализацию своего аграрного курса [7, с. 66–67].

Эгалитарная идея одержала верх над всякой другой идеей, так или иначе связанной с институтом частной собственности. Восстановление Советской власти в Архангельской губернии сопровождалось возобновлением процесса нивелировки аграрных отношений.

Важнейшим следствием аграрной революции стало изменение социального облика крестьянства. В 1920/21 г. крестьянское хозяйство было наиболее однородным за всю свою историю. Глобальная нивелировка социально-экономической структуры деревни, происходившая на основе натурального, по существу присваивающего хозяйства приводила к своеобразной самоизоляции аграрной сферы.

Обратной стороной этого процесса стала усиливающаяся деградация взаимоотношений с промышленным производством, с городом, если вести речь о широком понимании первооснов этих взаимоотношений. Беззащитность горожанина в продовольственном отношении, дефицит средств и сырья провоцировала особую агрессивность в способах и методах проведения фискальной политики в деревне, которая со временем все более приобретала репрессивный характер. До осени 1918 г. налоговая система в деревне в целом сочетала в себе дореволюционные платежи (государственный поземельный налог и земские сборы) и стихийную советскую налоговую практику, идущую снизу и закрепленную в соответствующих декретах.

С 1919 г. вмешательство государства в деревенское хозяйство становится более энергичным и выливается в наиболее радикальный способ получения продуктов крестьянского труда – продовольственную разверстку. Введение подраз-

верстки послужило отправной точкой для формирования системы натуральных общегражданских повинностей, завершившегося окончательно к 1921 г.

Продразверстка, накладывавшаяся на такие факторы, как снижение поставок хлеба из центра, разруха, аграрное перенаселение, находившее свое выражение в росте численности крестьянских дворов (в 1920 г. на 10,9 % по сравнению с 1917 г.), сокращение размеров семьи, недостаток рабочих рук и обремененность деревни нетрудоспособными членами, падение экономической мощности и слабая производственная база, оказывали значительное влияние на развитие крестьянского хозяйства. Под их воздействием в хозяйстве сокращаются размеры посевных площадей до минимальной потребительской нормы (с 2,0 дес. в 1917 г. до 1,2 дес. в 1920 г.), изменяется их структура в пользу продовольственных культур. Развитие данной тенденции ускоряла политика по уничтожению рынка, который если и сохранялся, то существовал полулегально в формах натурального обмена и не выходил за пределы внутридеревенского оборота. Важнейшей чертой крестьянской «торговли» в силу указанных выше причин явилось увеличение числа приобретающих и резкое сокращение числа продающих дворов.

Таким образом, аграрная революция изменила систему поземельных и экономических отношений в стране. Государство превратилось в абсолютного собственника земли, предоставив хозяйствующим субъектам права землепользователей. Выдвинув крестьянский двор на роль основного производителя сельскохозяйственной продукции, революция одновременно архаизировала его производственные связи, раздробила и измельчила его структуру. В условиях «военного коммунизма» стремление власти направить деревенское производство в нужное ей и регулируемое русло, извлечь при этом максимум продукции, и складывающаяся система управления деревенским производством постепенно приобретали характер глобального принуждения. Мелкое, ослабленное хозяйство пыталось противостоять этому натиску путем дальнейшего сворачивания производства и замыкания в потребительских рамках.

В конечном итоге, важнейшим итогом революции явилась масштабная архаизация и возврат государства к традиционному (аграрному) обществу [8, с. 4]. Специфика исторического развития России в 1920-е гг. (установление диктаторского правления одной политической партии, переросшей в диктатуру вождя), конечно же, придавала этим процессам своеобразие, но не меняла, а скорее укрепляла каркас из несущих конструкций аграрного общества.

Источники и литература

1. Красильщиков, В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций / В.А. Красильщиков – М.: РОССПЭН, 1998. – 148 с.
2. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы / Интерцентр, Гос. архив Тамбовской обл. – Тамбов, 1994. – 334 с.
3. Бухараев, В.М., Люкшин, Д.И. Российская смута начала XX века как общинная революция / В.М. Бухараев, Д.И. Люкшин // Историческая наука в изменяющемся мире. – Вып. 2. – Казань, 1994. – С.154–157.
4. Кабанов, В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке / В.В. Кабанов // Отечественная история. – 1993. – № 2. – С. 34–46.
5. Саблин, В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические результаты). / В.А. Саблин – Вологда, 2002. – 344 с.
6. Гордон, А.В. Типология семейного хозяйствования в крестьянноведении (90-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.) / А.В. Гордон // Крестьянноведение. Теория. История. Сове-

- менность. Ученые записки. 1999 / А.В. Гордон, Теодор Шанин, Н.Е. Хитрина и др.; Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. – Вып. 3. – М., 1999. – С. 5–25.
7. Саблин, В.А. Аграрная политика белых правительств на Европейском Севере России и в Сибири во второй половине 1918 – 1919 гг. (проблема выработки общего курса) / В.А. Саблин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 2. – Новосибирск: изд-во СО РАН. – С. 59–67.
  8. Безнин, М.А. Аграрный строй России в 1930 – 1980-е годы /М.А. Безнин // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. – Вып. 3. – Вологда: «Легия», 2002. – С. 3–9.

ОСОБАЯ ОХРАНА ПОЧВ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА В СВЕТЕ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, СОЗДАННОЙ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

Е.Д. Никитин, Е.П. Сабодина

Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Актуальность исследования заключается в том, что охрана почв вышла на первое место в деле защиты среды обитания человека и нуждается в создании, адекватной угрозе исчезновения почв, защите.

Целью исследования является выявление единой линии в защите почв нашего Отечества, определяемой природными и геополитическими предпосылками.

Материал и методы. Материалом исследования являются нормативно-правовые акты, регламентирующие взаимодействие человека и природы, отношения между людьми по поводу земли как средства производства, исторический процесс сохранения плодородия почв в зависимости от этапа развития социума. Метод исследования: структурно-функциональный подход.

Результаты и обсуждение: выявлена необходимость существования общественной собственности на землю как средства производства, в организации особой охраны почв Отечества в условиях сокращения почвенного покрова и истощения плодородия почв планеты на современном этапе. Особо следует отметить позитивный опыт России в деле создания Красной Книги почв и Беларуси в деле исторической преемственности организации особой охраны природы.

В октябре 1917 года на втором Всероссийском Съезде советов был законодательно решён земельный вопрос в русле собранного эсерами, так называемого, «крестьянского наказа о земле». Правотворческая деятельность высшего законодательного органа при принятии данного нормативно-правового акта основывалась на сложившейся веками трудовой деятельности крестьян. Общинный характер земледелия и землепользования определён в нашем Отечестве, как исторической традицией, так и природными и геополитическими условиями, которые являются практически не меняющейся в течение всего исторического периода существования народов восточных славян константой. Ранимость и уязвимость почв зоны экстремального земледелия, суровый климат, долгая зима и короткое лето определяют и, по видимому, ещё долго будут определять, несмотря на успехи НТР, необходимость коллективного взаимодействия земледельцев. Два коротких периода, во время которых произошли серьёзные изменения в пользу частной собственности на землю, а именно период Столыпинской реформы и период рыночных реформ конца XX – начала XXI века, убедительно показывают незащищённость почвы в этих условиях. Наличие помещичьего землевладения в царской